

М. Н. Загоскин

Кузьма Петрович Мирошев

**Русская быль времён
Екатерины II**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
3-14

3-14 **Загоскин М.Н.**
Кузьма Петрович Мирошев: Русская быль времён Екатерины II / М. Н. Загоскин – М.: Книга по Требованию, 2016. – 456 с.

ISBN 978-5-518-10866-0

ISBN 978-5-518-10866-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2016

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2016

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ГЛАВА I.

О томъ, гдѣ и когда случилось то, о чемъ разска-
зывается въ этой истинной повѣсти.

Въ нашихъ степныхъ губерніяхъ
есть народная поговорка: «Сура рѣчка
важная, течеть потихоньку, доньшко
у нее серебряное, круты бережка по-
золоченые.»—За что,—думалъ я всег-
да,—такая похвала этой рѣчкѣ, ко-
торую съ грѣхомъ по поламъ называ-
ють судоходною? Что въ ней хоро-

шаго? Ея угрюмые берега поросли мрачными сосновыми лѣсами, течеть она къ сѣверу, и хотя въ нее впадаетъ рѣчка, которая называется *Бездна*, но сама-то она вовсе не походитъ на бездну морскую: лѣтомъ черезъ нее во многихъ мѣстахъ куры въ бродъ переходятъ. Мнѣ удавалось слышать отъ пензенскихъ жителей, что въ ней ловятся отличныя стерляди, — быть можетъ, только видно это бываетъ очень рѣдко. Я знаю навѣрное, что когда въ Пензѣ собираются дать какой-нибудь торжественный обѣдъ на славу, то всегда посылаютъ за стерлядями въ Саратовъ. То ли дѣло близкій сосѣдъ Суры, красавецъ Хоперь, рѣка такъ же второстепенная; но какими она течетъ привольными мѣстами! какъ роскошествуетъ природа на ея плодоносныхъ берегахъ! Хоперь течетъ на югъ, извиваясь подъ тѣнью своихъ

дубовыхъ лѣсовъ, красуясь своими липовыми рощами и орошая свѣтлыми водами своими одинъ изъ счастливейшихъ уголковъ нашей матушки святой Руси. Пуститесь по теченію Хопра, и черезъ нѣсколько дней вы увидите себя среди земель Донскаго войска, въ Хоперской станицѣ, которая славится по всему Дону своимъ привольнымъ житьемъ и богатствомъ.

Въ тысяча семьсотъ осмидесятомъ году, на правомъ берегу этой рѣки, верстахъ въ десяти отъ уѣзднаго городка Ново-Хоперска, у подошвы высокаго холма, стоялъ, срубленный изъ дубовыхъ бревенъ и покрытый тѣсомъ, небольшой господскій домъ о семи окнахъ. Прежде чѣмъ я познакомлю васъ съ хозяиномъ этого дома, Кузмою Петровичемъ Мирошевымъ, не угодно ли вамъ будетъ прогуляться вмѣстѣ со мною по его владѣніямъ, взглянуть на

его наследственную отчину и полюбоваться господской усадьбою? Мы начнемъ съ дома.

Я уже сказалъ вамъ, что онъ былъ срубленъ изъ дубовыхъ бревенъ, покрытъ тесомъ и освѣщался съ лицевой стороны семью окнами. Быть можетъ, вы станете смѣяться надо мною; но я убѣжденъ, что дома точно такъ же, какъ и люди, имѣютъ свои собственные физиономіи, — и суровыя и привѣтливыя, и гордыя и радушныя. — Посмотришь, иной домъ — ну точно хмурить брови, а другой какъ будто улыбаεται. Вотъ, напримѣръ, хоть этотъ, о которомъ идетъ рѣчь, кажется въ наружности его не было ничего привлекательнаго; а я увѣренъ, вы посмотрѣли бы съ удовольствіемъ на этотъ скромный пріютъ небогатаго русскаго помѣщика. Эта ни чемъ не окрашенная тесовая кровля и кусты великолѣп-

ныхъ розоновъ, которые цвѣли подъ окнами дома; эти голыя бревенчатыя стѣны и чистое крылечко, уставленное цвѣтами; этотъ красивый лугъ, который опускался гладкой скатертью отъ дверей дома до самаго Хопрэ,—все это вмѣстѣ было такъ свѣжо, такъ мило, что вы пожалѣли бы, если бѣ тутъ, вмѣсто простаго бревенчатаго домика, стояли каменные палаты, или затѣйливая дача съ разными вычурами и причудами, которыя стоятъ такъ дорого лѣтнимъ жителямъ невскихъ острововъ, петергофской дороги и московскаго парка.

По обѣимъ сторонамъ дома разбросано было нѣсколько жилыхъ службъ и холостыхъ строеній: сарай, конюшня, погреба, амбары, застольная изба, баня и господская кухня; все эти строенія были крыты соломой. По двору, почти всегда, преважно расхажи-

вали индійскіе пѣтухи, бѣгали куры и гулялъ павлинъ съ своею павою. Съ лѣвой стороны за частоколомъ, котормъ обнесена была вся дворовая усадьба, стоялъ довольно обширный скотный дворъ; съ правой тянулось огороженное плетнемъ барское гумно, уставленное одоньями. Посреди двора росла огромная черёмуха; подъ благовоннымъ и роскошнымъ шатромъ ея пушистыхъ вѣтвей, можно было въ знойный полдень отдохнуть на скамьѣ и подышать прохлагою. Прямо противъ нее, въ глубинѣ двора, за рѣшетчатымъ заборомъ, виднѣлся фруктовый садъ, въ котормъ, посреди густыхъ куртинъ вишенъ, сливъ и черешни, подымали свои курчавыя головы яблони и грушевыя деревья. Этотъ садъ оканчивался небольшимъ огородомъ; за нимъ, по отлогому скату, взбѣгала до половины высокаго холма тѣнистая ду-

бовая роща; потомъ начинался мелкой кустарникъ, а на самой вершинѣ, подѣтънью двухъ вѣковыхъ липъ, стояла деревянная часовня. Она была построена надъ истокомъ холоднаго и прозрачнаго, какъ ледъ, горнаго ключа. Простой народъ называлъ этотъ родникъ *громовымъ студенцомъ*, и пилъ изъ него воду, какъ лекарство, отъ разныхъ болѣзней, вѣроятно потому, что въ часовнѣ была икона Божіей Матери, и что объ этомъ источникѣ передавалась изъ роду въ родъ одна народная легенда, которой содержаніе было слѣдующее:

«Давнымъ давно, въ незапамятные года, не извѣстно при какомъ великомъ князѣ, только прежде еще татарскихъ погромовъ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь часовня, стояла уединенная келья одного святаго отшельника. Шестьдесятъ лѣтъ спасался онъ,

живя на этомъ холмѣ, посреди дремучаго бора, котораго теперь и слѣдовъ не осталось. Двадцать лѣтъ не выходилъ онъ изъ лѣсу, и изъ всѣхъ окружающихъ селеній никто не зналъ о немъ, кромѣ одного благочестиваго деревенскаго священника, который два раза въ году приходилъ пріобщать его Святыхъ Таинъ и оставлялъ у него мѣшокъ сухарей; этого было достаточно для пустытника на цѣлые полгода, потому-что онъ былъ великой постникъ и съѣдалъ только по два сухаря въ недѣлю; за водою же онъ ходилъ самъ на Хоперь. Вотъ носѣтилъ его Господь Богъ скорбію: отнялись у него ноги. Это случилось лѣтомъ, въ Петровки; жара стояла нестерпимая, а у него въ кельѣ не было ни капли воды, и какъ онъ ни силлся достигнуть до рѣки, но въ цѣлые два дня не могъ оттолзти и пяти шаговъ отъ

своей хижины. Вотъ прошелъ день, другой—зной все тотъ же, на небѣ ни облачка, а солнце такъ и палитъ. Какъ ни велико было терзніе благочестиваго старца, но онъ былъ чловѣкъ, а жажда еще мучительнѣе голода. На третій день старецъ изнемогъ совершенно, страданія его сдѣлались нестерпимыми и что-то похожее на ропотъ мелькнуло въ душѣ его. Лукавый того только и дожидался: онъ явился передъ старцемъ, но только не такъ, какъ является иногда, не подъ личиною ангела свѣта, не во образѣ даже чловѣческомъ, а просто во всемъ адскомъ своемъ безобразіи. Старецъ хотѣлъ перекреститься; но демонъ удержалъ его руку, поставилъ передъ нимъ чашу съ свѣжей водою и сказалъ: — «Вотъ, старикъ, я не въ тебя ты впроклиналъ, ненавиждь меня, а пришла бѣда, такъ я же къ тебѣ на выручку:

У тебя нѣтъ ни капли воды, — вотъ тебѣ полная чаша! Да не отворачивайся, старинушка: вѣдь я не жидъ какой, не попрошу твоей души за ковшикъ воды; съ меня будетъ и того, если ты за это мнѣ поклонишься.» — «Нѣтъ!» — прошепталь старецъ, — «не поклонюсь я никогда врагу моего Господа.»

— «Врагу!» — повторилъ насмѣшливо сатана. — «Да что за радость быть слугою-то? Вотъ хоть ты, нѣчего сказать, вѣрный слуга, а что, много выслужилъ? Нѣтъ, старинушка! твой господинъ живетъ высоко—до тебя ли ему! а я у тебя подъ бокомъ. Не хочешь мнѣ кланяться, такъ пожалуй себѣ не кланяйся: я за этимъ не гонюсь. Скажешь спасибо—хорошо! Не скажешь — такъ и быть! Только не мори себя, голубчикъ, напрасно; выпей водицы! А вода-то какая — вода! Посмотри, любезный!»